

В статье рассмотрено воздействие происходящих разноречивых явлений на подходы заинтересованных сторон к освоению северного (прежде всего североморского) и арктического шельфа. Проведенный анализ позволяет выделить несколько характерных тенденций.

Ключевые слова: северный шельф, нефть, газ, недропользователи

Северный шельф перед глобальной нестабильностью

А.К. КРИВОРОТОВ, кандидат экономических наук, начальник управления компании «Штокман Девелопмент АГ», Москва

Снова интерес к Арктике

На протяжении минувшего десятилетия шельф умеренных и арктических широт привлекал все больше внимания и правительственных, и корпоративных структур. Этому способствовали, с одной стороны, рекордно высокие цены на нефть, особенно взлетевшие из-за войны в Ираке; с другой стороны – конечность нераспределенных мировых запасов углеводородов, неожиданно остро осознанная нефтяниками после известного скандала с компанией «Шелл» в 2003–2004 гг. В таких условиях закономерно возрастала привлекательность арктического шельфа, на котором, по мнению ряда экспертов, сосредоточено от четверти до трети неоткрытых ресурсов нефти и газа.

Наиболее авторитетная на сей момент оценка, опубликованная Геологической службой США в феврале 2009 г. с разбивкой по отдельным арктическим бассейнам – от 44 до 157 млрд бар. (6,0–21,5 млрд т) нефти и от 770 до 2 990 трлн ф^3 (до 100 трлн м^3) природного газа, из них более 70% расположены под морским дном. Крупнейшие запасы сосредоточены в российской Западной Арктике и у побережья Аляски¹.

¹ First ever release of USGS arctic offshore assessment / Offshore.– 2009.– August.– P. 46–53.

В 2008 г., однако, инерция прежнего интереса натолкнулась на мощные потрясения и общеэкономического, и отраслевого характера. С одной стороны, разразился мировой циклический кризис с последовавшими затем снижением спроса и цен на энергоносители, удорожанием кредита. С другой стороны, скачкообразное наращивание добычи сланцевого газа в США породило структурный кризис в газовой отрасли, который негативно сказался на мировой торговле сжиженным природным газом (СПГ). В долгосрочных прогнозах развития ТЭК возник мощный разброс оценок.

Стратегия национальных правительств

Особенность 2009–2010 гг. заключается в том, что кризис практически не сказался ни на лицензионной деятельности правительств, ни на заявочной активности нефтегазовых компаний на арктическом шельфе. Раунды лицензирования или аукционы по продаже участков морских недр с успехом проходят в Норвегии, Канаде, Гренландии. Неудачи отдельных раундов (Великобритания, Исландия), как показывает анализ, не были связаны с текущей рыночной конъюнктурой. Сейсмосъемка и разведочное бурение в новых районах также шли по планам.

Такая стабильность представляется вполне объяснимой. Нефтяные компании, руководствуясь и долгосрочной стратегией, и текущими интересами увеличения рыночной капитализации, продолжают поисковую активность по всему миру в целях расширения ресурсной базы. Национальные правительства также более ориентируются на среднесрочные проблемы – обеспечение национальной энергетической безопасности, оптимальное использование ресурсного и производственного потенциала, развитие передовых технологий и удаленных регионов. Однако, при общности целей, методы их достижения заметно различаются в зависимости от специфических условий отдельных бассейнов и стран.

Наиболее либеральный режим формируется в Северном море, которое за 40 лет разработки превратилось из экстремальной зоны пионерного освоения в зрелую провинцию с высокой степенью геологической изученности и развитой

инфраструктурой. Но открытие новых крупных месторождений здесь маловероятно. В Великобритании с 2000 г., а в Норвегии – с 2002 г. происходит постепенное снижение добычи (хотя у норвежцев сохраняются крупные неисследованные территории в Заполярье).

С учетом этих обстоятельств в Северном море ставка сделана на продление сроков эксплуатации действующих месторождений и освоение новых с опорой на имеющуюся инфраструктуру. Типичный североморский проект сегодня – небольшая залежь, на которой развернута бесплатформенная добыча с «привязкой» к действующим платформам и магистральным трубопроводам.

Норвегия

С этой целью правительство Норвегии широко привлекает на шельф новые, не всегда финансово мощные компании («нефтяные комары»), готовые работать на небольших либо старых месторождениях, применяя уникальные технологии. Нефтяной директорат страны в сжатые сроки допустил к работе на норвежском шельфе, в том числе в качестве операторов месторождений, несколько десятков средних и малых компаний из Европы, США, Японии. В 20-м раунде лицензирования, завершившемся 30 апреля 2009 г., приняли участие 45 компаний против 24 в предыдущем, из них 34 получили доли в новых лицензионных блоках².

Одновременно были повышены роялти, чтобы стимулировать держателей ранее выданных лицензий либо разрабатывать месторождения, либо уступить их более активным недропользователям (в том числе «новичкам»). Лицензии, возвращенные в нераспределенный фонд недр, и ряд ранее объявленных блоков в Северном море теперь ежегодно автоматически выставляются на особый открытый конкурс. Аналогичные меры планируются и на британском шельфе.

США

Противоположный подход исповедуют США, где на 85% внешнего континентального шельфа (т.е. расположенного за пределами территориальных вод и находящегося в федеральной

² Пресс-релиз Нефтяного директората Норвегии от 30.04.2009 «Tildelingar i 20. runde». URL: <http://www.npd.no>

юрисдикции) с 1981 г. действует мораторий на сейсмозъемку, поисковое бурение и добычу. Бывший президент Дж. Буш настойчиво предлагал Конгрессу США снять этот мораторий, равно как и запрет на добычу в другой арктической территории – Аляскинском национальном заповеднике. За это активно выступают и отраслевые лоббисты, отмечая, что внешний континентальный шельф освоен лишь на 1,5%, но уже дает 27% производства нефти в США и в 2008 г. принес налоговые поступления в бюджеты всех уровней на общую сумму в 23,4 млрд дол.³

Однако Б. Обама вскоре после избрания президентом США заявил, что намерен не торопиться с открытием шельфа, а « подождать формирования более комплексной энергетической стратегии». Столь радикальная перемена взглядов на шельф вполне вписывается в общие подходы новой администрации. В отличие от предыдущей республиканской, она не связана с нефтяными кругами и намерена снизить зависимость страны не только от импорта, но и от потребления ископаемого топлива, всемерно развивая альтернативную энергетику.

За минувший год в подходах Вашингтона появилось больше реализма. У администрации росло понимание, что нефть как основа для топливообеспечения автомобилей, самолетов и судов в обозримом будущем замены не имеет. Единственной реальной альтернативой добыче нефти в США остается поэтому лишь расширение ее импорта, в первую очередь из политически нестабильных стран Персидского залива и Латинской Америки.

Выступая на авиабазе Эндрюс под Вашингтоном 31 марта 2010 г., Б. Обама объявил о новой стратегии по шельфу: одни районы – осваивать, другие – разведывать (необязательно с последующей их разработкой), а третьи, наиболее ценные для рыболовства или туризма – охранять. Президент отметил, что «с нелегким сердцем» возобновляет аукционы по продаже шельфовых недр, но подчеркнул: «С учетом наших потребностей в энергии, чтобы обеспечивать устойчивый экономический рост, создавать рабочие места и поддерживать конкурентоспособность наших предприятий, нам придется осваивать

³ *Jay Collins T. A wake up call for OCS development / Offshore. – 2009. – May. – P. 106*

источники традиционного топлива, даже по мере наращивания производства энергии из новых возобновляемых отечественных источников»⁴.

Новая стратегия касается и арктических районов. Предполагаются новые аукционы по продаже участков недр у берегов Аляски – в уже освоенном Заливе Кука, а также в Чукотском море и Море Бофорта (правда, после 2012 г.). Одновременно с этим Б. Обама до 2017 г. запретил продажу недр в представляющем особую природную ценность заливе Бристоль на западе полуострова.

Примечательно, что при всех различиях политических подходов к освоению северного шельфа, общего снижения налоговой нагрузки на отрасль нигде не наблюдалось. В США она даже возрастает. В пояснения к проекту федерального бюджета на 2010 финансовый год был включен особый раздел «Ликвидация привилегий нефтегазовым компаниям»⁵, вызвавший острую полемику в Конгрессе. Амортизационную льготу еще в 1972 г. (правда, не на шельфе, а при разработке битуминозных песков) отменили и в Канаде⁶.

Стабильность условий важнее объемов добычи

Тем не менее на текущих планах компаний это сказалось не очень заметно. Данный пример наглядно показывает, что для нефтяников гораздо важнее стабильность условий работы, правовая защищенность инвестиций и обложение прибыли, а не объемов добычи. Неучет последнего обстоятельства, похоже, явился главной причиной провала первого раунда лицензирования на шельфе Исландии в 2008–2009 гг. В то же время нефтяные компании готовы работать в Великобритании и Норвегии, выплачивая в виде налогов более 70% прибыли.

⁴ Remarks by The President on Energy Security at Andrews Air Force Base, 3/31/2010. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-energy-security-andrews-air-force-base-3312010>

⁵ General Explanations of the Administration's Fiscal Year 2010 Revenue Proposal. – Wash.: Department of the Treasury. – 2009. – P. 59–69.

⁶ *McCarthy S.* Oil sands: Tax break to end – in 2010 / *The Globe and Mail.* – 2009. – March 31.

В Северном море широко применяется налоговое стимулирование мобильности капитала на шельфе, в первую очередь путем налоговых вычетов для инвестиций в новые и уже действующие месторождения. За счет этого достигаются ускорение оборота недр, реинвестирование прибыли и приход на шельф новых «игроков», способных привнести передовые технологии. Причем в Норвегии данные принципы были заложены с самого начала, а в Великобритании вводятся лишь сейчас и не в полном объеме. По мнению ряда наблюдателей, именно с этим связана различная динамика в норвежском секторе, где инвестиции в 2009 г. выросли на 9%, и в британском, где наблюдается их ежегодное падение на 10–25%, ниже критического уровня в 3 млрд ф. ст. в год.

Возможно, что Англия в результате станет первой страной, которая введет общее снижение налогов на шельфе: этого настойчиво добиваются нефтяники, угрожая правительству полным развалом отрасли. В общем же случае налоговые льготы недропользователям предоставляются избирательно, прежде всего, для неосвоенных территорий, для сложных, старых или небольших залежей.

Первый шаг в эту сторону сделали и российские власти, введя в 2008 г. налоговые льготы для освоения месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока. По имеющимся сведениям, они в скором будущем могут быть распространены на арктический шельф, как и предполагалось первоначально.

Следует, однако, отметить, что регулирующая роль государства далеко не исчерпывается лишь лицензионными и налоговыми рычагами. Практически повсеместно госорганы берут на себя региональное геологическое изучение шельфа, субсидирование инфраструктуры, внешнеполитическое обеспечение и др. Особо остановимся на вопросах экологии, поскольку в этой сфере взаимоотношения с нефтегазовой промышленностью на Севере существенно усложнились.

Классические представления об отрасли как, прежде всего, об источнике угрозы аварийных разливов нефти постепенно отходят на второй план. Жесткое противостояние по этой линии наблюдается, пожалуй, лишь в районе Лофотенских островов (заполярная Норвегия) – одном из важнейших в мире районов промысла рыбы, особенно тресковых пород. Летом 2009 г. у побережья Лофотен уже производилась

сейсмосьемка, вызвавшая бурные протесты рыбаков и экологов. Они особенно оживились после того, как правительство Норвегии приступило к изучению возможностей развертывания в этом районе поискового бурения и добычи нефти и газа (хотя внутри самого правящего «красно-зеленого» кабинета консенсус еще не сложился).

Катастрофа 2010 г. с платформой «Дипуотер хорайзон» в Мексиканском заливе, несомненно, вызовет обострение этих дискуссий и ужесточение природоохранных требований к нефтяникам во всем мире. Однако основной дискурс экологической полемики вокруг шельфовой нефтегазодобычи за рубежом (в России практически отсутствующей) связан с иной проблемой – климатическими изменениями и конкретно с исполнением Киотского протокола. Причем проблема рассматривается в двух аспектах: выбросы CO₂ собственно в процессе добычи и при последующем сжигании углеводородов.

В то же время задача «свертывать добычу ради сокращения выбросов углекислоты» ставилась разве что Б. Обамой в начальный период правления. Дело в том, что и в США, и в Северном море активно формируются новые реалии шельфовой энергетики: морские ветровые и волновые электростанции (включая конверсию старых нефтяных платформ), продление сроков работы нефтегазовой инфраструктуры как альтернатива ее опасному демонтажу, обратная закачка CO₂ в пласты. В США, Великобритании, Норвегии ускоренно формируется законодательство о развитии альтернативной энергетики на шельфе. Эти явления снимают жесткую дихотомию «нефть или охрана морской среды», хотя в целом экологический нажим на отрасль продолжает нарастать.

Противоречия технического прогресса

Столь же сложным и противоречивым фактором освоения шельфа представляется технический прогресс. В последние годы скачкообразно развиваются прорывные морские технологии – сверхглубоководное бурение, бесплатформенная разработка месторождений с донным заканчиванием скважин, удаленная транспортировка многофазных потоков, подводные

сепараторы и компрессоры и др. В Мексиканском заливе начато освоение месторождений с экстремальными глубинами моря (до 3,5 тыс. м). Подобные технологии, сводящие к минимуму присутствие человека собственно на месторождении, крайне актуальны при разработке арктического шельфа, особенно в покрытых льдом акваториях. Таким образом, в наши дни идет интенсивное накопление научно-технического потенциала и опыта, которое в скором будущем может сделать реально осуществимым полноценный прорыв нефтяников в Арктику.

Однако эти же технологии открывают для освоения и новые районы в южных широтах – например, шельфы Бразилии, Нигерии, Анголы, Австралии. Они, таким образом, одновременно и повышают доступность арктических ресурсов, и обостряют конкуренцию между шельфовыми бассейнами как за сегменты нефтяного рынка, так и за инвестиции. Более того, новые технологии порождают и альтернативные энергоресурсы. Это, например, уже упомянутый сланцевый газ, который, в частности, напрямую отразился на деятельности «Штокман Девелопмент АГ» – совместного предприятия «Газпрома», французской «Тоталь» и норвежской «Статойл» по освоению Первой фазы Штокмановского газоконденсатного месторождения в Баренцевом море. Неопределенность перспектив газового рынка США побудила акционеров «Штокман Девелопмент АГ» перейти к раздельному принятию инвестиционных решений о производстве трубопроводного газа и (после дополнительного изучения перспектив сбыта) сжиженного природного газа. При этом первый трубопроводный газ будет подан в 2016 г., первый СПГ – в 2017 г.

Прогнозные мировые сценарии

Описанные разноречивые факторы политического, экономического, технологического и экологического характера повышают неопределенность дальнейших перспектив северного шельфа и не позволяют выдать однозначный прогноз на будущее. Речь, скорее, может идти о различных возможных сценариях, из которых выделим три основных.

Активный: широкое освоение шельфа на базе передовых экологических технологий. Возможен при возврате к высоким ценам на нефть и газ (особенно при осложнениях в Персидском заливе) и/или интенсивном таянии льдов. Побочным эффектом станет обострение межгосударственных противоречий при разделе Арктики, вплоть до демонстрации силы.

Умеренный (продолжение нынешних тенденций): реализация лишь очаговых «знаковых» проектов. Компании при поддержке заинтересованных правительств демонстрируют присутствие, «столбят» арктический шельф из соображений не столько текущих прибылей, сколько долгосрочной конкуренции за ресурсы.

Пассивный: свертывание нефтегазовой активности как малорентабельной и политически неприоритетной. Возможен в случае устойчивого падения цен на топливном, особенно - газовом, рынке. Шельф при этом осваивается не в Арктике, приходящей в упадок, а в конкурирующих бассейнах (Западная Африка, Бразилия, Азиатско-Тихоокеанский регион).

Россия

Для России, едва приступающей к освоению арктического шельфа, каждый сценарий создает и риски, и возможности. Причем исходные позиции нашей страны и стоящие перед нею проблемы достаточно специфичны и неоднородны по природе.

Во-первых, налицо объективная потребность наращивания объемов производства нефти и газа в условиях, когда в традиционных районах, и прежде всего в Западной Сибири, основные месторождения вступают в стадию падающей добычи. Возможности восполнить дефицит ограничены – это Восточная Сибирь, Дальний Восток и шельфовые районы. И Энергетическая стратегия России, и Основы госполитики страны в Арктике предусматривают ускоренное формирование на арктическом шельфе новой мощной базы по производству энергоносителей.

Во-вторых, в числе ведущих политических целей России выдвинулось сохранение национального контроля за нефтегазовым потенциалом. Ресурсы арктического шельфа попали даже под двойную правовую защиту: и недавно измененного

закона «О недрах», и нового закона об инвестициях в стратегически важные отрасли. Эти изменения находятся вполне в русле мировых тенденций 2000-х годов. Однако они объективно увеличивают нагрузку на и без того напряженные бюджеты государственных недропользователей («Газпрома» и «Роснефти»).

В-третьих, отчетливо проявилась вполне самостоятельная, хотя и безусловно связанная с нефтегазовыми соображениями, тенденция – рост интереса к Арктике со стороны внешнеполитических и военных ведомств, в том числе из неарктических стран. Налицо объективная угроза нового витка международного территориального передела Заполярья. Причем спровоцировала ее Россия (известной экспедицией «Арктика-2007» под руководством А.Н.Чилингарова), хотя потенциал для жесткого противостояния у нашей страны ограничен.

Следует подчеркнуть, что Арктика остается предметом специфичной, отмеченной еще В.И. Лениным конкурентной борьбы – «за хозяйственную территорию вообще»⁷. Юридический статус Заполярья, по мнению ряда заинтересованных стран, не вполне определен. В подобных случаях широко применяется международно-правовой принцип эффективной оккупации, согласно которому приоритетное право на спорную территорию получает та страна, которая поддерживает на ней свое присутствие, и в особенности ведет активное хозяйственное освоение. Безусловно, нефтяная платформа на спорном участке шельфа, сопутствующие ей трубопроводы, береговые объекты, морские и вертолетные перевозки являются наиболее зримой (и, при некоторых условиях, коммерчески привлекательной) формой такого присутствия.

В-четвертых, в развитие предыдущего пункта необходимо отметить, что в России исторически сложилось серьезное отставание в области развития морских нефтегазовых технологий. Преодоление его органично вписалось бы в стратегию модернизации, но требует крайне напряженных усилий. Кроме того, запрет на вхождение зарубежных (и даже частных

⁷ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. – С. 422.

российских) компаний в ресурсную базу арктического шельфа России объективно осложняет привлечение на него иностранных инвестиций и, соответственно, передовых технологий. В этой связи успех работы «Штокман Девелопмент АГ» по своему значению намного выходит собственно за рамки одного, пусть и уникального месторождения. Речь идет об отработке новой модели взаимодействия на шельфе, позволяющей ускоренно и неавтаркически осваивать передовые знания и производства.

Таким образом, для России, с одной стороны, существует угроза «засидеться на старте» и упустить начало активного передела Арктики, включившись в него с опозданием, без должных технологических, финансовых, кадровых ресурсов – и даже без военной мощи, которая объективно подрывается ныне идущими массовыми сокращениями армии и флота, затронувшими и Север. С другой стороны, налицо риск вложить крупные ресурсы в развитие отрасли, которая окажется «тупиковым направлением». Причем размер потерь здесь будет весьма велик: развертывание шельфовой добычи «с нуля» требует огромных целевых инвестиций в развитие науки, образования, машиностроения, транспортной инфраструктуры, в формирование береговых баз и др.

Залог успеха, на наш взгляд, прежде всего, заключается в том, чтобы реалистично спрогнозировать развитие событий. Необходимо будет комплексно формировать внешнюю (включая военную), ресурсную, научно-техническую, промышленную и региональную политику. В то же время масштаб как потенциальных обретений, так и потерь здесь очень велик. Это заставляет, сосредоточившись на реализации наиболее вероятного сценария, готовить и запасные меры реагирования на другие случаи. Причем развитие нефтегазовой промышленности на северном шельфе не следует воспринимать как панацею и тем более самоцель. Это лишь средство решения более важных задач (в частности, удержания исконных позиций нашей страны в Арктике), использование которого должно быть и экономически, и политически осмысленно.